

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

6698

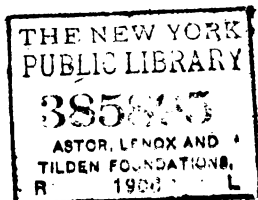
ОКТАБРЬ и НОЯБРЬ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1815.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по
опечатаніи, до выпуска въ продажу, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ,
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго
Комитета, другой для Департамента Мини-
стерства просвѣщенія, два экземпляра для
Императорской публичной Библіотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ. Ноября
22 дня 1815 года. *Н. О. Профессоръ и Ка-
валеръ Иванъ Девгубскій.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
I. Цицеронъ.	1
II. Рѣчь Посланниковъ Скиѣскихъ Александру.	39
III. О различіи Поэзіи древней съ новѣйшею.	45
IV. Удовольствіе, ощущаемое при воззрѣніи на гробницы.	98
V. Воздушныя гробницы.	105
VI. Посланіе къ Д. А. Оспафьеву.	107
VII. Ожиданіе любезнаго.	120
VIII. Дуня.	123
IX. Г. Н. Н. Т - - ой.	124
X. Д. Н. Гл — ву.	126

Оглавленіе.

	Стран.
XI. Весеннее утро. - -	129
XII. Утро. - -	130
XIII. Чудесный шоварь. - -	133
XIV. Посланіе къ Пизонамъ о Спи- хотворствѣ. - -	136
XV. Смерть Клоринды. -	155
XVI. Признаніе супруга. -	168
XVII. Баснь. Два осла. - -	169
XVIII. Эпиграмма. - -	171
XIX. Эпишафія. - -	—
XX. Плачь при гробѣ моего благо- дѣтеля Пешра Ивановича Страхова. - -	172

Ц И Ц Е Р О Н Ъ.

Цицеронъ, въ послѣдніе годы жизни своей, удаленный отъ правленія междоусобными бранями, копорыя насильственнымъ могуществомъ оружія замѣнили власшь законовъ, воспользовался свободнымъ временемъ уединенія, и отъ прежнихъ трудовъ Орашора и Государственнаго Чиншвника обрашилсѣ къ занятіямъ Философіи. Онъ всегда любилъ ихъ; это примѣнно во всѣхъ его сочиненіяхъ: но доселѣ философскія размышленія были для него отдыхомъ отъ дѣлъ общешвенныхъ; ибо, какъ извѣстно, онъ былъ знаменитымъ Орашоромъ и народоправителемъ до самой той минуты, какъ возгорѣлась война между Цезаремъ и Антоніемъ. Съ сей эпохи до самой смерти своей сочинялъ онъ въ тишинѣ мирной философскія книги, изъ коихъ нѣкоторыя погубило время. Онѣ составляли полный курсъ Философіи Греческой, и окончаны были въ продолженіи пяти лѣтъ, при всѣхъ

безпокойствахъ и бѣдствіяхъ, кои претпятствовали послѣднимъ любимымъ его занятіямъ, и кои нѣсколько разъ вовлекали его въ море гражданскихъ мятежей, и напослѣдокъ погубили вмѣстѣ съ свободою Рима.

Греческая Философія имѣла въ Римѣ ревностныхъ послѣдователей своихъ со временъ Лелія; однакожь немногіе Римляне писали объ отвлеченныхъ предметахъ до Брута и Варрона; къ первому-то изъ нихъ Цицеронъ наиболѣе обращалъ свои разсужденія о Философіи и Краснорѣчіи, поелику Брутъ равно упражнялся и въ той, и въ другой наукѣ. Но Цицеронъ одинъ обладалъ столь обширнымъ геніемъ, что отважился обнять всѣ части Греческой Философіи, — одинъ имѣлъ такую довѣренность къ своимъ силамъ, что могъ рѣшиться обогатить Латинскую словесность всемъ, что ни произвели въ семъ родѣ знаменитѣйшія школы. Сія-то слава была послѣднимъ чинъ его честолюбія; пред-

начерпанный имъ планъ, въ которомъ отчетъ отдаешь онъ самъ въ началѣ второй книги о заданіи, доказываешь многоразличныя его свѣденія и гибкость его дарованій. Такіе предметы были въ Римѣ еще столь новы, что Латинскій языкъ не имѣлъ даже словъ для ошвлеченныхъ понятій Метифизики Греческой: Цицеронъ сошворилъ для Римлянъ языкъ Философіи, дошедшій даже до новѣйшихъ школъ нашихъ, которыя и донинѣ не знаютъ еще языка другаго.

Онъ началъ свои философскія сочиненія книгою, подѣ названіемъ: *Гортензій*, копорая для насъ потеряна, и въ копорой выхваляя Философію, онъ оправдывалъ вмѣстѣ самаго себя передъ шѣми, кои обвиняли его за сей родъ занятій и сочиненій, какъ бы не соотвѣшпвующій личному его достоинству. Цицеронъ возвращаетъ нѣсколько разъ къ симъ упрекамъ, и легко опровергаетъ ихъ, основываясь не шолько на томъ, что упражненія философскія весьма достойны сами по себѣ за-

нимають умъ человѣческій, но равно и на
 помъ, чпо онъ ничего не могъ дѣлать
 лучшаго въ своемъ уединеніи, опчужденъ
 будучи отъ обязанностей гражданина и
 общественнаго человѣка. Онъ прибавля-
 етъ, чпо весьма похвально для Латин-
 ской Словесности, ежели не будетъ она
 завидовати Греческой и въ семь родѣ со-
 чиненій, тогда какъ объ онъ спорятъ
 о преимуществѣ въ Краснорѣчіи и Поэзіи;
 для него же весьма лестно, ежели Ла-
 тинская Словесность будетъ одолжена
 ему сею новою честію. Наконецъ онъ
 радуется самъ, чпо нашелъ способъ, при-
 нести пользу Римскому юношесству во
 времена развращенія, въ кои болѣе неже-
 ли когда-нибудь имѣло оно нужду въ на-
 ставительной помощи и нравственномъ
 обузданіи. „Сотраждане мои просятъ
 „мнѣ“ говоритъ Цицеронъ, „или паче до-
 „вольны будутъ мною, еспли во время
 „порабощенія опчещива не показаль я ни
 „слабости униженія, ко всему равнодуш-
 „наго, ни негодованія, все опвергающа-
 „го, ни льстивой угодливости, раболѣп-

„спивующей предъ неограниченнымъ гос-
подствомъ, для поддержанія только
частныхъ своихъ выгодъ.“

Послѣ книги, *Hortensius*, онъ написалъ
другую, *Академики*; отъ ней намъ оста-
лось весьма мало. Здѣсь спарается онъ
защитить избранное имъ ученіе Плато-
на, которъ, слѣдуя Сократу, допу-
скалъ одно вѣроятное, и не признавалъ ни
очевиднаго, ни извѣстнаго. Сіе ученіе,
при всѣхъ усиліяхъ оправдать оное, не
имѣетъ основательной точности. Цице-
ронъ, уступая невольной необходимости, го-
воритъ, что оно можетъ быть основа-
тельно, если умѣренно. Онъ огра-
ничивается предметами, совершенно не-
постижимыми для разума человѣческаго,
и допускаетъ однѣ догадки. Всѣ почти
приводимые имъ примѣры къ тому кло-
нятся; но вообще онъ нигдѣ не оста-
вляетъ сего положенія секты своей, что
ни объ одной вещи нельзя сказать, буд-
то она справедлива, а противная ей
необходимо ложная. Таковыя слова по-

казываютъ нелѣпость; это сборъ видимыхъ противорѣчій: ибо кромѣ дѣйствительныхъ доказательствъ, извлеченныхъ изъ математическихъ познаній, о коихъ нигдѣ не говоритъ онъ, или, кои по видимому не уважаетъ, находишься въ семъ ученіи метафизическое противорѣчіе, которое должно было бы примѣнить самому Сократу, Платону и ученикамъ ихъ; не лзя статься, чѣобы разумъ, какъ часть божества, по собственной ихъ системѣ, внушенная челоѣку, былъ способноюoliko обманчивою, что не могъ бы имѣть несомнѣнныхъ понятій, ниже полагаться на вѣрныя изслѣдованія о какихъ бы то ни было вещахъ. Тотъ, кто избираетъ цѣль, ищетъ и средствъ; а цѣль разумныхъ тварей, по собственному же ихъ сознанію, есть уразумѣніе истины, безъ которой челоѣкъ не имѣлъ бы никакого руководителя. Слѣдовательно, если ли Богъ отказалъ челоѣку въ познаніи вышшихъ, и пошому ненужныхъ вещей, то съ другой стороны Онъ безъ сомнѣнія даровалъ понятія, необходимыя челоѣку

на пути жизни и дѣятельности; иначе Богъ не былъ бы справедливъ и благъ къ Своему созданію, что противно и не сообразно Его свойствамъ: ибо хотѣть и не хотѣть въ одно время, также видимое противорѣчіе. Цицеронъ для избѣжанія слѣдствій, разрушающихъ всю науку о нравственности, говоритъ, что вѣроятіе, коимъ замѣряешь онъ очевидность, можетъ однакожь производить удовлетворительныя понятія, и служить вождемъ во всѣмъ дѣйствіяхъ и обязанностяхъ жизни. Но сіе умствование не основательно, и со всею правдоподобностію своею всегда будетъ опровергаемо тѣми, кои, вникнувъ въ оное, спанутъ утверждать (и не безъ причины), что они свободны отъ всякихъ обязанностей, когда ничего нѣтъ доказаннаго; еслии ничего нѣтъ вѣрнаго въ основѣ, то равно нѣтъ никакого вѣрнаго добра и зла по отношенію; и тогда, что стало бы съ книгою Цицероновою, о *Должностяхъ*? Какъ! скажешь ему, ты велишь почитать за ненарушимое правило, за первый долгъ и

высочайшее счастье, быть честнымъ и добродѣтельнымъ, а самъ не можешь доказать, что по виду противное честному, не есть ли въ самомъ дѣлѣ честное? Ибо изъ теоріи вѣроятія произтекаетъ не премѣнно сіе возраженіе, коего опасныхъ слѣдствій не предвидѣла секція Академиковъ, остроумнѣйшая изъ всѣхъ другихъ. Цицеронъ, по словамъ своихъ учителей, всегда обращается на физическія и метафизическія положенія; но избѣгаетъ, кажемя, сущности сего вопроса конечно потому, что боится вникнуть въ него. Для насъ ошнюдь не важно, будемъ ли мы увѣрены въ величинѣ солнца, или въ тѣхъ способахъ, коими душа дѣйствуетъ на тѣло; мы равнодушно можемъ смѣяться надъ тѣми, которые представляютъ солнце столь же великимъ дѣйствительно, какъ оно кажется, или почишаютъ его больше земли, только въ осмнадцать крапъ. Гораздо важнѣе то, чтобы человекъ зналъ свои обязанности и свое назначеніе. Какъ! злодѣй сколько развращенъ, что не внимаетъ уже суду совѣсти и

человѣчества, — суду всегда священному и справедливому, — и вы не боитесь доставлять ему поводъ, называть сомнительными, или паче опвергать законы, лишаемые вами всей святости? Вы можете думать, что ему довольно одного върояшія для того, чтобы обязанности, которыя покажутся ему трудными, предпочиталъ онъ злодѣяніямъ легкимъ и выгоднымъ по виду! О, нѣтъ! сія система столь же вредна въ исполненіи, какъ и въ умозрѣніи; сія осторожность сомнительности. Академиковъ, которую старались они противопоставить догматическому высокоумію, есть крайность, противопоставленная крайности, и подъ собственнымъ своимъ бременемъ падаетъ въ безразсудство пирронизма, коего нелѣпость чувствовали они сами. Утверждать все — есть ослѣпленіе гордости; сомнѣваться во всемъ значить давать орудіе разврату.

Сомнѣваясь во всемъ относительно умственныхъ понятій, не всегда можно

сомнѣваться въ то, что приобретаемъ посредствомъ чувствъ. Въ семъ-то случаѣ наиболѣе поржесествовали Академики, говоря, что обманы чувствъ многочисленны и доказаны; но они поржесествовали весьма не кспати, и токмо однѣми лжеумствованиями, коихъ сами не примѣчали. И во первыхъ то, что называли они обманомъ чувствъ, доказываетъ уже прошивъ ихъ, что есть ощущенія вѣрныя. Обманъ чувствъ есть опсущствіе истины; признавая одно ощущеніе ложнымъ, должно предположить, что противное ощущеніе есть истинно; иначе же не можно бы говорить ни того, ни другаго о чувствахъ. Припомъ, обманываютъ насъ не чувства, которыя судить не могутъ, но душа сама, или способность мыслящая дѣлаешь сужденія о предметахъ, чувствами передаваемыхъ; самъ Цицеронъ изъясняетъ сіе въ своихъ разговорахъ Ту-скуланскихъ. Наконецъ, когда чувства обманываютъ, то мы знаемъ причины обмановъ и средства поправить ложныя ихъ представленія душѣ. Сему служатъ

доказательствомъ физическіе опыты, какъ то: дѣйствіе давленія, тяжести и упругости воздуха, сообщаемыя конечно посредствомъ только чувствъ разуму, который судитъ объ нихъ; и сіи дѣйствія столь же очевидны для насъ, какъ и математическія выкладки. Однимъ словомъ, эта всеобщая неизвѣстность обратила бы наше бытіе и бытіе міра въ нѣкое сновидѣніе; — что можно утверждать развѣ также во снѣ, или въ шутку, и что было бы равно весьма печальнымъ сновидѣніемъ, и весьма нелѣпою шуткою.

Цицеронъ вездѣ слѣдовалъ методу Платоновой, т. е. разговорной; но рѣдко рассуждалъ по методу Сократа, въ вопросахъ и отвѣтахъ, которая была сама по себѣ суха и утомительна; мало свойственна гению Цицерона и его тону, болѣе или менѣе ораторскому во всѣхъ сочиненіяхъ. Онъ приближается особенно къ тѣмъ изъ разговоровъ Платоновыхъ, въ коихъ каждое лицо въ свою очередь предлагаетъ свое мнѣніе, обдуманное и изсѣ-